

Лавринович Надежда

Нелюбимые

18+

Надежда Лавринович Нелюбимые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40121259

SelfPub; 2019

Аннотация

Нежеланные, нелюбимые дети, что может быть ужаснее?... Захар не то, чтобы раздражался, нет, но часто думал: "лучше бы он умер при родах". Красавец Арсений рос очень стеснительным, неуверенным в себе и забитым ребенком. С раннего возраста он остро чувствовал, с ним что-то не так. Что именно? Этого ребенок не понимал, не мог понять.

НЕЛЮБИМЫЕ

– Все... это конец... – обреченно подумал Арсений. – Я никогда ее не найду... Боже, как глупо! Глупо-то как! Он тяжело опустился на землю и, привалившись к стволу раскидистого дуба, в изнеможении закрыл глаза. Сердце учащенно билось в груди тяжелым комом, на лбу и спине выступил липкий пот. Лицо и руки Арсения нестерпимо зудели от бесчисленных укусов разъяренных насекомых, в чье царство он вторгся незванным гостем. Повсюду, куда ни кинь взгляд, Сению окружали деревья, деревья, деревья. Лес, казалось, не имел края, не имел конца, тянулся во все стороны на многие-многие километры. Будучи жителем большого города, Арсений никогда еще не оказывался в глубине, в чаще. Парень и вообразить не мог, каков он, этот настоящий лес. Однако сожалеть времени не было, решение принято – назад дороги нет. Пятый день путник упрямо шел вперед, продираясь сквозь кустарник, время от времени отдыхая на мягком, пахучем мху. Повсюду кипела, бурлила, пульсировала жизнь. Особенно трудно приходилось по ночам, Сене чудились шорохи, звуки, вздохи и стоны, топот ног или чых-то лап... В лесу водились волки, много волков, а кроме того кабаньи и лоси и это только та живность, о которой Арсений знал наверняка; что и кого еще скрывал лес, он мог разве что догадываться... В брезентовом рюкзаке за плечами Арсения болталась пластиковая бутылка воды, шматок грудин-

ки, обернутый в фольгу, и черный хлеб. Он взял с собой то, что посоветовали, не вполне, впрочем, представляя, сколь долго придется плутать. Вся затея до последнего казалась игрой, чем-то не слишком реальным, лишь попыткой сбежать, удрать от себя самого. Он схватился за призрачную надежду как хватается за тонкий прутик утопающий. Однако запасов оставалось совсем немного, хватит еще максимум на день, а дальше? Сеня смертельно устал, запутался, потерял ориентиры и уже не понимал куда, в какую сторону ему следует двигаться. Голова кружилась от одуряющего аромата трав, все смешалось перед глазами, он чувствовал как сознание медленно, но неотвратимо ускользает от него.

– Ничего, ничего... значит так надо. Так тому и быть... Может, и к лучшему – пробормотал Арсений и потерял сознание.

Арсений, Сеня – родился нежеланным. Его мать, Федорович Мария Петровна чувствовала себя несчастной, брошенной, использованной и обманутой.

Когда-то она, уроженка небольшого Белорусского городка Глубокое, мечтала попасть в Москву. Примерно лет с тринадцати грезилась Москвой, мечтала о ней, не видела для себя иного пути, кроме как поехать учиться в столицу.

Растила Марию мать, которая отнюдь не разделяла наваждения дочери огромным, чужим, откровенно пугающим городом.

– Ну что тебе та Москва? Чего тебе дома не живется? – стонала Бранислава Ермолаевна, как только дочь заводила любимую пластинку про неизбежный отъезд.

– Мама! Как ты не понимаешь?! Москва – это ВСЕ! Все, мама! Это перспективы! Это жизнь, мама.

– Ну, какая жизнь?! Кому до тебя дело есть в той Москве? Слышала, что про москвичей говорят?

– А, мало ли, что говорят. Я учиться поступлю. Замуж там выйду. И тебя к себе заберу. Вот увидишь.

– Думаешь, мало таких вот желающих? Откуда ж столько москвичей возьмется? И что у них там, в Москве, своих девок нету?

– Мама! Не начинай. Все равно уеду, – настаивала Маша. Последние два года в школе Мария усердно готовилась, а мать копила деньги. Откладывала каждую копейку, чтобы помочь родному дитятке выжить во враждебном городе. К тому времени стало совершенно очевидно – Мария от своего не отступится. Вот тянет ее в Москву, и ничего с этим не поделаешь!

Не успел отгреметь, отгулять выпускной, как Мария кинулась за мечтой. Сомнений девица не ведала, страха не испытывала, Москва сияла, манила, обещала.

Мария поступила в Политех, учебное заведение для мужчин, девочки встречались редко. Зато конкуренция как таковая отсутствовала, а выбор поражал воображение. С первого раза она набрала достаточно баллов, и мечта быстро стано-

вилась реальностью. Ей выделили комнату в общежитии, все складывалось как нельзя лучше. До тех пор, пока...

Машенька не влюбилась в звезду местного разлива Аркадия Воронина. Любовь эта явилась внезапно и сразу, Мария была обречена если не с первой минуты, то со второй – несомненно. Она поняла это тотчас, как только его увидела. Позвонила маме в Глубокое и плакала в трубку, твердила, что погибла:

– Мамочка, родненькая, вот беда-то! Вот беда! Что же мне теперь?! Что делать-то?!

– Доча, ты не горячись! Все пройдет. Это надо пережить.

– Ну как, как пережить?! Что ты такое говоришь?! Я жить без него не могу! Дышать не могу! А ведь были планы, такие, мама, планы! А теперь что же? Все летит, летит, мама в тартарары. ЕГО мне нипочем не заполучить, а никто другой уж и не нужен!

– Боже, доча... как же так? А он-то что? Он что, доча? Ты же красавица у меня...

– Приезжай, мама! Приезжай! – взмолилась Мария. – Иначе я за себя не отвечаю!

– Куда же я приеду, доча?! Жить-то я, где буду? – испугалась Бранислава.

– Я комнату сниму, не бойся. У приятельницы моей мама сдает. Недорого совсем и место хорошее. Парк рядом. Она все переживает, что жильцов найти морока целая. Таких, как мы с тобой она ищет, а мы тут как тут!

– Что мне тот парк! Что хозяйка! На вокзале жить буду, ежели нужда придет. Приеду, доча, конечно приеду! Ты, главное глупостей не наделай!

Бранислава Ермолаевна, действительно, не замедлила явиться в Москву, в город, которого безотчетно опасалась и не любила. Подобно многим провинциалам, Бранислава искренне считала, что Москва – главное на планете зло. Все беды от нее, все несчастья. Населяют бесовский город люди темные, подлые, на все способные. Но куда деться, если дочь просит? И на северный полюс поспешишь, лишь бы дитю помочь. Вот на кой ляд понесло ее Машку в Москву эту проклятую?! Жила бы себе кровиночка неподалеку, ну уехала бы в Витебск учиться, а потом вернулась бы в родное Глубокое, к матери поближе... под крыло.

Но делать нечего, коль дите пропадает и домой возвращаться отказывается. Машенька примчалась на вокзал за час до прихода поезда. В нетерпении металась она то туда. То сюда. Ежесекундно поглядывая на крошечные часики, от бабушки доставшиеся. Как только показался вдали нос поезда, Мария вздохнула с облегчением и радостью.

– Мама! Мамочка! – кинулась она к вагону.

Долго стояли, тесно обнявшись, не в силах расцепиться. Обе плакали и утешали друг друга. А потом Маша, словно заправская жительница столицы, повезла маму на Речной, дорогой показывая и рассказывая.

Комната и правда оказалась чудесная, а дом стоял в двух

шагах от парка на Речном вокзале. Окраина, конечно, но не до жиру. Кроме того, хозяйка почти все время проводила за городом. А за квартирой нужно было присматривать; цветы поливать, полы, пыль. Доверять ключи кому попало, хозяйке не хотелось. Соседи в счет не шли, что-то мешало. А тут Машенька подвернулась, – удача! Потому жили почти все время вдвоем за символическую плату; все сложилось как нельзя лучше для всех. Сидела Бранислава с дочкой как с маленькой, урезонивала ее, убаюкивала. Однажды встречала Марию после занятий и та показала маме ЕГО.

– Во, ма, гляди! Аркадий... – покраснев до корней волос, потянула Мария мать за рукав.

Родственница взглянула и все поняла про него с первой же секунды. Она хоть и была простой женщиной из Белорусской глубинки, не избалованной, неиспорченной, работающей и преданной семье, но таких кавалеров как книгу могла прочесть. Тут большого ума не требовалось, достаточно было жизнь прожить, что, как известно, не поле перейти.

– Вот бес... Черт его дери! – подумала Бранислава и перекрестилась, – пропала девка, дура. Пропала. Попался же на пути! Окаянный!

Покосившись на Машку, Бранислава с огорчением увидела, как поглупело и окрасилось розовым лицо у влюбленной дочери. Все признаки безумия читались на юном этом прекрасном лице.

– Вот напасть! – не сдержалась женщина и смачно сплю-

нула.

Он словно спустился с небес на грешную землю, на минутку, ненадолго, потехи ради. Аркадий родился для того, чтобы разбивать, дробить в пыль женские сердца. Стало сие совершенно очевидно еще в детском саду. От него млели воспитательницы, позже учителя, одноклассницы, их мамы, тети и бабушки. Высок, статен, белокож с невозможно синими глазами и черными как смоль волосами. Густые, широкие брови, высокий, обманчиво умный лоб и чувственный крупный рот. Длинные как стрелы ресницы, частоколом обрамляли глаза и дополняли картину безупречного, словно написанного лица. Его, Аркадия, мама когда-то блистала в родном Питере, потом переехала в Москву, сразив наповал молодого начинающего бизнесмена. Аркадий взял лицо и статью матери, и твердый упрямый нрав отца, который использовал лишь для того, чтобы потакать своим бесконечным капризам. С малолетства он купался и нежился в женском внимании, его дело было выбирать. Мальчика с удовольствием портили и развращали абсолютно все женщины его окружавшие. Делалось это со вкусом, бездумно и беззаботно. Этому красавцу не нужно было прилагать усилий, ухаживать, завоевывать, ему стоило лишь благосклонно улыбнуться, и любая девчонка оказывалась у его ног. Послушная, чуткая, внимающая и благодарная. Аркадий был своенравен, избалован, эгоцентричен. Баловень считал себя едва ли не миссией, призванным покорить как можно больше женщин само-

го разного сорта, возраста и толка. Сказочно прекрасный облик открывал двери, души, сердца и кошельки. Независимо от того, задумывался над этим человек, или нет, абсолютно всем верилось, зачастую неосознанно – такая внешность сама по себе оправдывает и объясняет ВСЕ. Мама Марии тот час предложила дочери оставить «бесовский город» и уехать домой:

– Доченька, – сказала она, – неужто в родном-то городе для тебя места не найдется? Поехали от греха. Поехали! Христом Богом прошу! Погубит тебя бес этот...

– Мама! Ну что ты, в самом деле?! Ну, куда я поеду?! А учеба?! А будущее? Мои планы? Нет, мамуля, не уговаривай. Как-нибудь уж все утрясется.

– Ладно, доча, тебе-то, небось видней... только не связывалась бы ты с парнем-то этим, а? Еще в беду какую угодишь... найди себе попроще, а?

– Ой, мама...да кто связывается-то?! Да я бы и рада связаться, да куда уж мне...но, мамочка, родненькая, я его так люблю! Прямо сердце болит!

Бранислава поняла, что уговаривать дочь бесполезно, побыла еще несколько недель и убралась восвояси. Мария обещала ничего не таить, мать держать в курсе, об учебе не забывать и с ума не сходить. В последнее верилось как-то особенно трудно.

Последнее и оказалось самым невыполнимым. Мария Федорович отличалась прямо таки ослиным упрямством, она

придумала себе Аркадия такого, какого в природе не существовало, и пестовала свою любовь, возвращивала ее с поистине поразительным терпением, достойным лучшего применения. Очарованная, Мария приписывала объекту грез и ум, и благородство, наделила его ангельским характером и юмором, да всем тем, чего у него отродясь не имелось. Мария никогда и ни за что не могла бы поверить, что человек с лицом Аркадия, с физическим его совершенством, может оказаться пустым, жестоким, жалким ничтожеством. Она свято верила – лица просто так не раздают и такие вот Аркадии рождаются раз в столетие и на голову превосходят всех своих современников по всем параметрам, в том числе и моральным. Аркадий себя обожал и каждый жест его, каждый взгляд был преисполнен бескорыстной, безбрежной любви к себе. Он искренне верил, что одаривает собой, позволяет коснуться чуда, и тем самым делает счастливой ту, что осмелилась оказаться рядом. Женщины менялись как перчатки, не оставляя следов ни в памяти, ни в сердце. Немного повзрослев, уяснив для себя, как устроен мир, и женщины в частности, Аркадий стал зарабатывать на собственной внешности неплохие деньги. Прежде всего, как любовник, а затем как модель. Он не гнушался брать деньги просто за ночь с собой и требовал непомерные суммы, которые, впрочем, чаще всего, получал. К сожалению, Аркаша не работал над собой и потому, любовником был более чем посредственным. Он вел себя как наложница, ложился и всем видом словно

кричал:

– Берите меня! Владейте мною пока я здесь! Я весь ваш!

Женщинам это нравилось поначалу, они брали на себя инициативу раз, другой, третий. Но много ли найдется жаждущих властвовать в кровати постоянно, не имея возможности побыть, наконец, наедине с МУЖЧИНОЙ? Аркадий беззастенчиво требовал, чтобы его обслуживали даже тогда, когда это становилось просто нелепым. В нем совсем не осталось мужского, подобно киселю он не являлся ни тем, ни другим. К любой внешности привыкаешь и перестаешь ее замечать. Остается человек, а человеком Аркадий не был. Разочаровавшись, женщины покидали его, но не нашлось ни одной, кто сказал бы ему своевременно правду-матку. Когда пламя гасло, падали шоры, любовницы делали все, чтобы красавчик верил – инициатива исходит от него. Позже, женщины тосковали по несбывшейся мечте и долго не могли забыть безупречно красивое, но более ничем непримечательное создание. Замужние становились внимательны и нежны к мужьям, а свободные переставали придавать столь большое значение внешним данным. Аркадий разочаровывал столь же быстро, сколь и очаровывал, но не догадывался об этом.

Мария же хотела с ним не просто переспать, она хотела его на всю жизнь. Никогда раньше ей не приходилось видеть столь безукоризненно совершенных мужчин. Она думала, ТАКИЕ бывают лишь на экране. Машенька смотрела на

Аркадия, как истинно верующий смотрит на редкую икону. Она трепетала при виде его и едва не теряла сознание от восторга. Мария не смела поднять глаз в его присутствии, а дар речи, равно как и разум, в спешке покидали ее. Поначалу Мария не догадывалась о том, сей драгоценный чистый камень, отнюдь не разборчив и неприхотлив. Он не знает слова «нет» и все женщины для него красивы, каким бы странным это ни показалось. Разумеется, именно те женщины, которые не могли отвести от него обожающий взор. Он спал бы и с толстыми, и с уродливыми, осмелившимися захотеть этого, и с худыми и плоскими как мальчик, и с красивыми, и никакими, абсолютно со всеми. Аркадий был всеяден, но так неправдоподобно хорош, что мало кто решился бы предположить в нем это. Таким образом, оставались женщины в себе уверенные по причине выдающихся внешних данных или же тугого кошелька. Аркадий стал заложником собственной красоты, лени и себялюбия. Но Марии «повезло». Однажды они оказались вместе на одной из студенческих попоек. Мария старалась бывать всюду, где появлялся ОН. В небольшую двушку одного из учащихся, набилось человек двадцать. Среди них почему-то всего четыре девушки. Напитков, как водится, оказалось значительно больше, нежели закуски. Молоденькие, неопытные студентки молниеносно перепились. Аркадий от сокурсников не отставал, и вскоре взгляд его масляно заскользил по фигуре Марии. Девушка, будучи под хмельком и оттого гораздо более обыч-

ного смелой, улыбнулась ему лучезарно и подседа поближе:

– Привет! – сердце ее колотилось как бешеное, уши и щеки пылали маковым цветом, но замаячила где-то слабая надежда и остановить Марию в этот вечер не смог бы и танк.

– Привет, привет! – Аркадий против ее общества не возражал. Мария была прехорошенькой, и многие добивались ее расположения. Недотрогой Маша не слыла, но и не разбрасывалась, а уж, увидев однажды Аркадия, и вовсе словно в монастырь подалась.

– Скучаешь? – вкрадчиво поинтересовалась девушка. – Меня Мария зовут, я учусь с тобой в одном институте, но факультеты разные.

– Ммммм... Я Аркадий. А ты ничего, недурна – он плотно-одно оглядел ее с ног до головы, будто выбирая говядину на прилавке. Что-то я раньше тебя не замечал... Странно. Где ты пряталась, Мария?

Дело было на мази, упускать свой шанс Мария не собиралась и после недолгой шутливой беседы потащила Аполлона в ванну.

– Идем со мной, котик, не пожалеешь, – пригласила Маша, окончательно осмелев. Подогретая шампанским и бурлением крови от небывало близкого присутствия божества своего ненаглядного, она вдруг почувствовала себя неотразимой.

– Оооо! – усмехнулся Аркадий, – а ты молодец. Не из робких. Люблю таких.

К счастью для Маши, или же к великой беде, ванная оказалась свободна.

В тесном помещении, под шум воды, она обнимала его жарко и шептала ему слова такие, каких раньше никогда вслух не произносила. Говорила ему девица о любви своей несбыточной, а руки ее порхали с восторгом по молодому крепкому телу. Каждый сантиметр создания этого ею давно желанного, поцеловала Машенька. Аркадий позволил новой любовнице насладиться собой в полной мере, а затем повернул ее спиной и пристроился сзади, обхватив обнаженные ее бедра ладонями. Отдавалась она страстно и отчаянно как в последний раз. Истекала сладким медом и стонала так томно, так сладостно и искренне, что не ответить на столь жаркий призыв мог разве что деревянный чурбан. Аркадию понравилось, и он девицу эту на заметку взял. Время от времени он приглашал ее в гости то к одному приятелю, то к другому, когда никого денежного, а следовательно более важного, не намечалось. Свободное время у Аркадия случалось не так чтобы часто, а потому приходилось Марии частенько томиться в ожидании. Тем не менее, чувствовала себя Мария на седьмом небе от небывалого, непостижимого, космически нереального счастья.

–Иногда мечты сбываются, – думала Маша,– никогда бы не поверила...

Всякий раз, оказавшись рядом, под ним или как угодно с ним, Маша умирала. Аркадий принимал восторги ее как

должное, значения их связи не придавал ни малейшего. Так, за не имением, на вечерок, на недельку, на месяц. Тем более что девка хороша, горяча и безотказна, а радости плоти лишними для Аркадия никогда не бывали. Идиллия длилась недолго, не прошло и месяца, как Маша возлюбленному шагу ступить не давала ; встречала, провожала, по сто раз на дню звонила и писала записки недвусмысленного содержания. К этому Аркадий как-то не подготовился. Ранее в его жизни подобных проблем не возникало. Машенька обрушила на него любовь, по силе подобную урагану. Поначалу, Аркадию все это представлялось очень романтичным и даже трогательным, а может быть он и вовсе воспринимал поклонение Машине как шутку, немного не всерьез. Но любовь была для него понятием абстрактным, он не умел отдавать, мог только потреблять. А Мария стала вдруг буквально требовать, настаивать на взаимности. Она не давала ему вздохнуть, являлась повсюду, от нее спасу не было. Вскоре Аркадий ею пресытился до такой степени, что не желал ни видеть, ни слышать.

– ВСЕ! – без обиняков заявил он однажды, – поиграли и будет. Я больше не хочу тебя. Роман окончен, финал, – он улыбнулся и развел руками.

– Что? Как ты сказал? – дрожащими губами переспросила ошарашенная, раздавленная Маша.

– Ты отлично меня слышала, Маша. Я больше не хочу спать с тобой. Ты мне надоела. Прощай!

Далее Аркадий вынужден был стать свидетелем такой истерики, что чуть было умом не тронулся. Мария скулила, валялась в ногах и умоляла не бросать ее:

– Аркашенька, миленький, родной мой! Я же без тебя пропаду! Я с собой покончу! Слышишь?! Ну, пожалуйста, умоляю тебя, не бросай меня! Не уходи! Ну, хочешь, я на колени встану? Я рабой твоей буду, скажи только!

Испуганный невиданным напором, польщенный и слегка озадаченный, Аркадий сдался, и некоторое время связь еще теплилась. Однако очень скоро Аркадий откровенно заскучал.

– Слушай, ну хватит. Хватит уже, – лениво отталкивал он Марию, стоило ей попытаться обнять его.

Мария исполняла все его прихоти, унижалась так, как и вообразить себе сложно, но сердцу, как известно, не прикажешь, особенно когда его нет. Аркаша не проникся и назойливую девицу все-таки прогнал.

– Пошла вон! Задолбала! Видеть тебя не могу больше! Отцепииись! – заорал он как-то раз. На ровном месте, как показалось помертвевшей от ужаса Марии. Все ее попытки удержаться в жизни Аркадия в любом угодном ему качестве, ни к чему не привели.

Пару недель спустя, опухшая и подурневшая от слез и бессонных ночей, Мария предстала пред синими очами с известием о беременности:

– Вот так, любимый мой, доигрались мы с тобой... что теперь делать? Может, все-таки вернешься, а? Нам же так хорошо было вместе? Помнишь? Ребеночек появится, заживем семьей.

Аркашу передернуло, он сразу предложил денег на аборт и стал совать ей в руку скомканные купюры, в глаза не глядя.

– На, вот... реши как-то проблему. И пожалуйста, не суйся ко мне. Все кончено. Ясно? ВСЕ.

Мария деньги взяла, но аборт делать не стала, втайне надеялась все же, поймать его на живца. Надежду эту ей позволил питать его вид преступника, пожелавшего избежать заслуженного наказания. Скрывался Аркадий довольно успешно, избегал ее и не видел, как растет живот, какой неуклюжей она стала. Но сколько веревочке ни виться... столкнулись-таки в институтском коридоре, когда положение ее стало очевидным для всех и каждого. Фактически Маня перегородила ему дорогу огромным своим пузом, деваться было некуда, Аркаша загрузил.

– Ну чего тебе? Что еще? Я же просил...ну? Чего ты хочешь от меня? Кто ты мне? Хватит таскаться за мной! Ничего серьезного между нами никогда не было! Оставь меня в покое!

Машенька смотрела на него с немым укором, ловила взгляд, но не добилаь ничего. Подлец не только предложение делать не собирался, но вообще вид сделал, что знакомство их шапочное. Затем и вовсе, неожиданно мягко отстра-

нил ее и ушел, ни разу не обернувшись. Мария, вопреки очевидному, поверить не могла что ТАКОЕ возможно, что он вычеркнул из жизни их месяцы счастья и своего ребенка заодно. Все было зря, Аркадий удрал и не вернется. Несколько позже до нее дошли слухи о том, что он женился на шведке преклонного возраста и укатил в Стокгольм. Больше она его не видела и как сложилась его жизнь, Мария так никогда и не узнала. Он поманил ее, использовал и выбросил за ненадобностью, как бросают дети надоевшую игрушку. Мария люто невзлюбила ребенка в утробе, направив на него свою боль и отчаянье отвергнутой женщины. Для нее не имело значение то, что он и не манил ее вовсе, и то, что она его себе придумала. В воображении Мани он соблазнил ее, завлек и бросил. Она рассказала себе ту историю, которую хотела, и поверила в нее всем своим существом. А что еще оставалось?

С первого дня в институте, у Марии Федорович, Машеньки, имелся верный воздыхатель – Захар. Девушка знала о его существовании, догадывалась, что нравится ему, но значения сему не придавала, не задумывалась. Захар в ее глазах ценности не представлял, хотя бы потому, что одет был более чем скромно, машины не имел, внешностью обладал самой обыкновенной. Не герой ее романа. Марии думалось, что настоящие москвичи, те, что могли бы составить ей партию, совсем другие, иные, особенные. За ней пытались ухаживать, но Машенька всех отвергала, не видела среди пре-

тендентов достойного. В отличие от тех, кто, потеряв надежду, давно уже обзавелся подружкой, Захар терпеливо ждал. Некое чувство, сродни интуиции, подсказывало – Мария станет его женой. Надо просто пережить, переждать. Захар томился и ждал, пока предмет обожания опомнится, пока раскроются ее прекрасные очи и обратит она внимания на то, как он, Аркадий, жесток и слеп. Захар понимал, что Маня не нужна Аркаше надолго, он поиграет ею и отдаст. Влюбленному же она требовалась любой, только бы рядом, вместе. И вот, терпение его было вознаграждено. Незадолго до родов случился на его улице праздник:

– Манечка, не грусти. Выходи за меня. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива. А ребенка своим признаю, и упрекать тебя не буду. Слышишь? Никогда, никогда не буду.

Загнанная в угол Мария, дала согласие на брак:

– Спасибо тебе, Захар, – сквозь слезы произнесла Мария, – ты настоящий рыцарь. Я согласна. Давай попробуем – она взяла его за руку и слегка пожала ее.

Захар ощутил, как жаркая волна окатила его от одного лишь прикосновения любимой. Он прикрыл глаза и улыбнулся блаженно.

– Но смотри, Захар, как бы не пожалел потом... спасибо тебе. Спасибо, – прошептала Мария и погладила Захара по щеке. От первой этой, легкой, ничего не значащей ласки, зашло у Захара сердце, заплясала душа, и снова кинуло его в жар, будто в печь угодил.

– Не сомневайся, я не пожалею, – совершенно искренне ответил он, недоумевая, как можно пожалеть о том, о чем столь долго лишь мечтал?

Их расписали без всякой помпы, через день после подачи заявления. Она стала Марией Петровной Кровиц, законной женой. Захар почувствовал себя счастливым, Мария же спасенной от верного позора и осуждения, от незавидной участи матери-одиночки. Она испытывала благодарность и злость, радость и разочарование, то было смятение, смешение чувств. Мария находилась в сомнениях и не смогла бы точно определить, что именно чувствует, даже если бы захотела. А она не хотела, не привыкла копать и анализировать.

Все, однако, складывалось. В лице неприметного Захара Мария неожиданно-негаданно обрела защиту и надежное плечо. Кто бы мог подумать! И почему злодейка, насмешница любовь не указала тонким пальчиком на него, во всех отношениях достойного и порядочного? А ведь ничто не говорило, он был таким... таким... обыкновенным.

– Чудеса! – удивлялась Машенька.

Кроме того, в наследство от прабабки Захар еще три года назад получил прекрасную четырехкомнатную квартиру в старом кирпичном доме в Филях. Набивать себе цену Захар не стремился, о том, что является владельцем прекрасной квартиры, никому сообщить не посчитал нужным. О нем вообще мало что знали. Впрочем, сей факт, скорее всего не изменил бы ход вещей. Могла ли Мария мечтать о большем?

Ведь вот оно, ТО самое, зачем и приехала, собственно, Мария Петровна в Москву. Сбываются мечты, сбываются. Во всяком случае, теща новоиспеченная, Бранислава Ермолаевна, даже всплакнула от облегчения и счастья. Захара она приняла безоговорочно и сразу, с благодарностью и бесконечной нежностью.

– Ты, доча, должна ему ноги мыть и воду пить, – наставляла она Марию, – он без преувеличенья спас тебя, дорогая ты моя, дуреха. Именно что спас. Душа-человек.

– Знаю, мама, знаю... – соглашалась Мария и принималась вдруг рыдать отчаянно и жалко, оплакивая несостоявшуюся свою любовь.

Особенно тяжело приходилось Марии ночами. Захар жаждал ласки, обнимал ее, шупал, касался везде и всюду сухими своими, горячими ладонями. Машенька закрывала глаза и пыталась представить себе Аркадия, но не получалось. Другим было все, и Мария едва сдерживалась, чтобы не оттолкнуть Захара, не закричать от нежелания. Однако разум все же брал верх, и она терпела, надеясь со временем прикипеть.

Захар хотел ее каждую ночь, шумно дыша, не скрывал восторга и не замечал состояния жены, не видел, не чувствовал. По мере того, как приближались роды, Мария стала все чаще отказывать мужу в близости. Захар дожидаться не мог, когда любимая будет принадлежать ему безраздельно. О том, что ребенок может отнять ее, Захар не помышлял, подобный сценарий не приходил ему в голову.

Схватки начались ночью. Захар вызвал «Скорую», направились в роддом. Захара не пустили дальше приемной. Он сидел на скамье в коридоре всю ночь, переживал, нервничал. Мария рожала трудно, долго. И тут не повезло ей с Аркадием. Не торопилось дитя его на свет, не спешило освободить мамку от бремени. Время растянулось, минуты превратились в часы. Маша ходила по длинному коридору, стонала, рычала и плакала.

– Да когда уже?! Когда все это кончится? – орала Маша, – да сделайте вы что-нибудь! Не могу больше! Не могу!

– Хорош орать! Не ты первая, – дернула ее за плечо дежурная сестра.

Маша вцепилась в сестру мертвой хваткой, взмокшая от пота, с ввалившимися, воспаленными глазами и прилипшими ко лбу мокрыми прядями, она походила на умалишенную:

– Избавь меня от него! Избавь! – закричала она, изо всех сил тряся дородную, монументальную сестру.

Лишь семнадцать часов спустя, начались роды. Маша, к тому времени хотела одного – умереть. Ее проводили в родильный зал, помогли забраться на кресло. Маша плохо понимала происходящее и почти ненавидела то маленькое, беспомощное существо, что раздирало ее нутро, прокладывая себе путь в большой, неизведанный, таинственный мир.

Машенька не слушалась врачей, все куда-то рвалась,

прочь, прочь от безумной боли, от этого бесконечного животного ужаса. Ее держали, орали на нее, угрожали наложить щипцы. Мария оставалась глуха, пришлось применить меры – Марию связали по рукам и ногам, намертво закрепив в родильном кресле. И, как результат, она, обездвиженная, здорово порвалась и внутри, и снаружи. Когда показали ребенка, не пожелала смотреть. Малыш был здоров, весьма упитан и громко, заливисто закричал, оповещая о своем появлении. Мария отвернулась и плотно закрыла глаза, из-под ресниц сочились крупные прозрачные как роса слезы. Потом ее зашивали, а затем выставили на каталке в коридор, где она провела еще пару часов в полудреме, полу-беспамятстве.

Он, новорожденный мальчик, ждал ее в палате, Машенька не слишком охотно, скорее любопытства ради, взяла его на руки и почти тотчас положила. Ребенок не вызвал теплых чувств, не пробудил дремавший инстинкт. Он украл ее красоту, любовь и возможное счастье. Посмотрев на младенца, она накрепко перевязала грудь, чтобы избежать кормления, и с тех пор мало прикасалась к малышу. Маня возненавидела его тем больше, что он полностью унаследовал черты своего отца, на свет появилась точная копия Аркадия Воронина – Арсений Захарович Кровиц. Мария увидела это очень отчетливо, не смотря на то, что вряд ли кто-либо другой сумел бы обнаружить сходство.

– А еще говорят, все младенцы похожи! Черта с два! Вот отродье, – прошипела Манечка, внимательно рассматривая

сына, – чтоб тебя...

Арсений не плакал, лежал тихо, будто понимая, что ему не рады, и стараясь лишний раз не напоминать о себе.

Через три дня роженицу со свертком встречал благоверный. Мария не рассказала ему о том, что хотела отказаться от ребенка, что несмотря ни на что желала избавиться от него.

В отчаянии, она уговорила сестер позволить ей сделать звонок в Белоруссию. Услышав мамин голос, заговорила лихорадочно, сама себя перебивая:

– Я его не хочу... понимаешь, мама? Я совсем не люблю его. Совсем! Ты понимаешь? Понимаешь?

– Машенька, успокойся. Послушай, – звучал в трубке спокойный голос Браниславы, – ты женщина, мама. Ты мама, доченька. Слышишь? Ты не простишь себя никогда. Не делай глупости.

– Не могу! Я не могу! – заверещала, завывала Мария и перехватила неодобрительный взгляд одной из сестричек.

– Доченька, не принимай опрометчивых решений. У тебя Захар есть, он любит, будет семья, все перемелется.

– Нет, нет, нет, – снова и снова повторяла Маша.

Браниславе все же удалось уговорить дочь забрать мальчика из роддома.

– Он родился, чтобы мучить меня всю оставшуюся жизнь, чтобы рвать на части самым своим видом, – с неприязнью глядя на сына, думала Машенька.

. Она не стала рассказывать Захару и о долгих беседах с

главврачом, о слезах своих и истериках. Вышла на крыльцо, сияя улыбкой, вступая в новую жизнь, как и подобает молодой маме. Захар принял на руки теплый комоч, заулыбался и счастливо вздохнул. Они были очень молоды, полны надежд и уверенности в том, что впереди ЖИЗНЬ.

Прошли годы, Арсению минул шестой год, он готовился к школе. Старался угодить матери, из кожи лез вон. Не обладая особенными талантами, не будучи сверх одаренным, Арсюша, тем не менее, числился среди лучших. Ребенок знал, что нелюбим, он чувствовал это всем своим трепетным детским сердцем с самого первого дня. Мальчуган не понимал причины, и старался завоевать любовь всеми правдами и неправдами. Надеялся, что его успехи помогут ему заслужить похвалу и признание. К несчастью, Захар не сумел полюбить мальчика, чем усугубил положение Арсения. Нет, он никогда не обижал его, не бил, но и не играл с ним, не читал ему на ночь, не учил играть в футбол в парке по выходным. Захару казалось, что достаточно любить женщину, а ребенок станет гармоничным продолжением, дополнением к любимой – в реальности все получилось иначе. Мальчик не то, чтобы раздражал Захара, но он часто ловил себя на мысли «лучше бы он умер при родах». Красавец Арсений рос тихим, забитым, очень стеснительным. С самого нежного возраста Сеня ощущал – с ним что-то не так. Что? Ребенок не понимал, никто ничего не говорил, но Арсений ост-

ро чувствовал себя изгоем в собственной семье. Тем более его удивляло то, как приветливо, с удовольствием общались с ним ДРУГИЕ. Сеня не понимал, отчего к нему тянутся, хотя бы ближе все окружающие, кроме родителей? Что за странная загадка? Какой секрет стоит за этим?

Мария, у которой все вроде сложилось совсем неплохо, начала, между тем, выпивать потихоньку. Нет, она не напибалась до полусмерти, но почти все время находилась «под мухой».

– А что? Могу себе позволить! – вульгарно смеялась она, оглушительно хлопая ладонью по столу. Оставаясь наедине с сыном, Мария часто говорила ему, что он ВИНОВАТ.

– Ты понимаешь? – усевшись за стол и открывая бутылку вина, произнесла она, – если бы не ты, все могло бы пойти по-другому.

Не поднимая глаз, маленький Арсюша аккуратно ел суп, поставленный перед ним матерью.

– Ты слышал меня? – строго спросила Мария.

– Слышал, – глядя в тарелку, тихо ответил ребенок.

– Запомни, Арсений, – пригубив вино, заявила Мария, – на всю жизнь запомни, ты сломал маме жизнь.

Тем же вечером Арсюша позвонил бабушке и, прикрывая ладошкой трубку, в полголоса спросил:

– Ба, а что значит «сломал жизнь»? Разве можно ее сломать?! Это же не машинка, не кукла...

– Арсюшенька, детка, не бери в голову. Глупости это, –

тяжело вздохнув, ответила бабушка.

Захар хорошо зарабатывал, Мария предпочитала сидеть дома, но на первую половину дня отводила Аркадия в садик.

– Я хочу иметь несколько часов для себя, – объявила она Захару.

– Конечно, милая, я понимаю. Пусть привыкает к социуму. А ты сможешь отдохнуть.

Узнав, что работать Машенька не планирует, Бранислава взялась за обучение дочери. «Уроки» велись по телефону, обстоятельно и подробно, чтобы не терять времени, не дожидаться, пока Бранислава сможет приехать.

– Женщина, доча, это душа дома. Все у тебя в руках должно спориться, ладиться. Пищу приготовить мужу – первое дело. Все дела отложи, а мужа накорми вкусно и сытно.

Заветам матери Машенька следовала неукоснительно, дом содержала в чистоте и порядке, обязанностями жены не манкировала. С самого утра она стирала, гладила, убирала, готовила. В два часа дня Маша забирала Арсения из садика, это служило сигналом к тому, что можно выпить первый бокал. Не торопясь, крошечными глотками, Мария смаковала напиток, пока грела обед Арсению, пока он ел.

Захар, будучи человеком мягким, не любящим конфликтов, трусливо делал вид, что не замечает ни пристрастия жены к вину, ни издевательств ее над сыном. Предпочитая не вмешиваться, Захар уверился, что все идет так, как должно.

– Все хорошо, Манечка? – обыкновенно спрашивал он,

заглядывая в глаза Марии.

– А что? Сам не видишь? – грубо отвечала Мария и хохотала, запрокинув голову и обнажая зубы.

«Ничего, – думал Захар, глядя на жену, – это у нее пройдет. Обязательно пройдет».

Ведь «это» не отражалось на доме, на плите вкусно пахла еда, а в постели все было так, как Захар и мечтать не смел. Представляя себе отношения с Машенькой, Захар топтался на поцелуе, дальше не заглядывал, стеснялся. В первые месяцы брака Мария лишь позволяла, ничего не отдавая. Со временем все изменилось. Жена открыла для него доселе не познанный, томительный и сладкий мир секса. В мире этом Захар забывал обо всем. Выпив, Мария становилась страстной, огневой, такой, какой никогда не бывала трезвой. Захар терял голову, шалел от нее, задыхался и потому молчал. Гаденькие мысли о том, что еще разок, еще парочку, еще, еще, еще, не позволяли ему поставить вопрос ребром.

– Ну, выпьет она немного, что за беда? – думал он, в очередной раз уловив запах вина, исходивший от жены, – а кто не пьет? Ну, кто, скажите на милость, не пьет?

Самое главное, она жила с ним, была рядом – этого до поры оказалось довольно для того, чтобы Захар чувствовал себя счастливым.

– Любовь эгоистична и зачастую жестока, она сулит блаженство и лишает воли, – размышлял Захар, – в жизни все совсем не так, как пишут в книгах. Я не герой, не рыцарь, я

эгоист. Вино ей идет, чего скрывать? Так зачем же я стану мешать?

Жажда обладания любимым созданием подчас подменяет понятия и переворачивает их с ног на голову. В любви каждый сам за себя и хороши все средства как на войне. Хочет любимая, пусть пьет, лишь бы не уходила, не стремилась куда-то, не оставила. В глубине души, наедине с собой, Захар боялся, что отказавшись от вина, Мария уйдет от него, ведь не мог он не понимать, что она так и не сумела полюбить его. Поэтому Бог с ней, простим ей эту маленькую слабость. Зато семья в полном составе, а он Захар может наслаждаться любимой женой, ее близостью, ее теплом, ее телом, наконец. Как и тогда, во время учебы, Мария оставалась для мужа столь же манящей, желанной, самой прекрасной. Возможно, несмотря на запах спиртного, исходивший от Марии все чаще, ноздри Захара все еще улавливали иной аромат, тот самый, что заморозил его.

Время от времени наезжала в гости Бранислава Ермолаевна. Мария не рассказала ей тогда о том, чем кончилась история с Аркадием, скрывала беременность до последнего, врал, юлила, выкручивалась. Бранислава все понимала и без признаний, а уж стоило ей впервые увидеть внука, как все стало окончательно ясно. Мария упорно молчала, Бранислава молчала тоже, но только там, где дело касалось Арсения. А вот пристрастие дочери к выпивке, осуждала резко, и в

выражениях не стесняясь:

– Что же ты, дрянь, делаешь?! О чем думаешь?! – высказалась мать, дождавшись, когда зять уедет на работу.

– А что мне? Кто запретит? – огрызнулась Мария.

– Что за гнилая ты баба получилась? – сокрушалась Бранислава, – куда ты катишься? В бездну ты катишься, в тар-тарары. А главное, почему? Почему, дочь? Какие такие беды у тебя в жизни?

Мария не слушала, слова матери мимо ушей пропускала, не злилась даже. Опускаясь все ниже, Машенька того не понимала.

О том, как помочь дочери, Бранислава размышляла постоянно. Однажды она даже отправилась в лес на поиски колдуньи Марыли. О Марыле в Белоруссии знали все, да и не только там. Слухами земля полнилась, ехали люди с разных концов. Да вот помогала она далеко не каждому. Как, по какому принципу людей выбирала, никто не знал. Ходили слухи, что если найти ее и договориться, любое желание она выполнит, любую просьбу. Только вот вернулась Бранислава ни с чем; сколько ни плутала, сколько ни звала, глуха осталась Марыля. Спасибо не закружила, не погубила, в лесу том не оставила. Бывали случаи, исчезали просители бесследно, словно растворялись в лесу.

Пробовала Бранислава побеседовать с зятем, да ничего не добила. Мямля и тряпка. Говорила и с Машенькой, да та не слушала. А между тем ситуация потихоньку обострялась.

– Выпьем, мать? – спросила Мария, когда Бранислава, приехав навестить дочь, выгружала на стол гостинцы.

– А не хватит тебе? – отбирая у Мани бутылку, отрезала Бранислава.

– Скучно с тобой! – махнула рукой Маня.

– Поиграешь со мной в карты, ба? – с аппетитом жуя кусок сала, засоленный Браниславой, спросил Арсюша.

– Щас, миленький, разберу тут, и пойдем, поиграем. Конечно, конечно, поиграем.

Маня скривилась и покинула кухню. Искренняя привязанность матери к Арсению, раздражала ее.

– Что, ма, не помнишь, как отговаривала меня с Аркашкой связываться?

– Отчего ж не помню?! Все я отлично помню, не пойму только, к чему это?

– А к тому, что Сенька в него весь, то же семя, бесовское, как ты говорила. А чего ж ты любишь его больше, чем меня?

Бранислава дочь не понимала, и всякий раз пыталась до нее достучаться. Читала ей лекции о «сердце материнском», о том, что ребенок для женщины и отрада, и надежда, и помощь. Маня зевала, отмахивалась или злобно шипела, в зависимости от того, в каком настроении пребывала. Уезжая, Бранислава волновалась за внука, но поделать ничего не могла. Марии казалось, что ничего страшного не происходит, что Бранислава преувеличивает и нагнетает, но с каждым днем она все меньше себя контролировала. Незаметно,

по чуть-чуть, но жизнь неотвратимо менялась. Постепенно Мария запустила дом, перестала готовить, следить за собой.

Бездна, о которой предупреждала ее Бранислава, неумолимо приближалась.

Арсения Мария обижала постоянно, границ не чувствуя, не умея остановиться.

– Пшел, щенок! Не путайся под ногами! Без тебя, паскуда, тошно! Не видишь что ли, мамочка без настроения!

Арсений привык, отгородился, не реагировал. Он прилежно учился, ставил перед собой цели и успешно достигал их без чьей-либо помощи. Захар давно уже самоустранился и перестал даже спрашивать как дела в школе? Мария же, глядя на сына, видела перед собой Аркадия и стремилась отомстить, растоптать, унизить. Случалось, что будучи сильно в подпитии, Мария теряла чувство реальности и путала прошлое с настоящим. Тогда она наседала на Сеню, пыталась выяснять отношения, а потом кидалась ему в ноги, обнимала крепко и просила простить:

– Ты только не уходи! Будь со мной! – рыдала она.

Бранислава, оказавшись невольной свидетельницей одной из подобных сцен, страдала, хваталась за сердце, плакала, умоляла:

– Манечка, золотко, это ведь кровиночка твоя... пожалей ты его, ради Бога! Смотри, как тянется к тебе мальчонка-то... Не бери ты грех на душу, не калечь ты ребенка.

Бабушка была единственным живым существом на земле,

кто искренне и безоговорочно любил Арсения. Она не раз предлагала дочери забрать мальчика к себе.

– У нас в Глубоком и школа хорошая, и воздух, а главное, Манечка, люди. Люди у нас совсем ведь другие. Не то, что в Москве. Подумай, дочка, ведь всем бы легче стало. Ты бы с Захаром еще ребеночка родила, или двух...

Казалось бы, отличная идея, но Мария почему-то упорно, необъяснимо отказывалась. Она явно удовольствие получала от измывательств над мальчиком. Мария была резка с ним, несправедлива, часто поднимала руку и орала обидные, стыдные вещи. Никогда не хвалила ребенка, не ласкала его, лишь отталкивала и бранила. Бранислава снова и снова возвращалась к теме переезда, но неизменно получала отказ. Душа ее была не на месте, сердце тревожно ныло, но не могла же она силой отобрать ребенка у дочери. Мария же оставалась непреклонна:

– Будет гаденыш со мной расти, на глазах! Все, мать, не дави! – отрезала Мария.

– Что же ты делаешь, Маша?! Что делаешь?! – тяжело вздохнула Бранислава, украдкой вытирая слезы.

Арсений, в разговоры и выяснения не вмешивался. С малолетства он привык абстрагироваться, уноситься подальше от всего того, что происходило за стенкой. Чаще всего это удавалось ему с помощью музыки. Несколько лет назад Захар отдал Арсюше свой плеер, с тех пор мальчик использовал его каждый раз, когда температура в доме поднима-

лась. Вставив наушники, он слушал органные концерты Баха, симфонии Бетховена, Вивальди и Моцарта. Непостижимым, волшебным образом, музыка лечила, зализывала раны. Пусть ненадолго, но она уносила его в волшебные, фантастические миры. Впервые Арсений услышал Баха по радио. Будучи совсем еще крохой, он внимательно слушал, замороженный, потрясенный глубиной и величиим МУЗЫКИ. Став старше, Арсений самостоятельно подобрал для себя репертуар как классической, так и современной музыки. Именно музыка стала ему лучшим другом и помощником. Слушая, он словно бы очищался, исповедовался, освобождал душу от грязи.

Что касается Захара, то тот боялся гнева супруги, ее вспышек ярости, боялся, что однажды она уйдет и потому на многое закрывал глаза:

– Мальчик-то не мой, – думал он малодушно, – как ни крути, а не мой. А Манечка мать, ей виднее.

Захар прекрасно видел, ЧТО Маша творит с сыном, но был с ним строг, в отличие от тещи не старался компенсировать отсутствие материнской любви. Где-то в глубинах души, он подленько радовался, ликовал. Нелюбовь жены, по его мнению, говорила о том, что великая страсть к Аркадию если не умерла, то приобрела совершенно иной, противоположный оттенок. Так ему хотелось думать, и он так думал. Захар любил Марию и страдал, страдал потому что знал – она не смогла забыть своего Аркадия, так пусть хоть не лю-

бит его больше. Захар с отвращением представлял, как было бы ужасно, если бы Маня обожала сына, лелеяла бы его именно потому, что он так немислимо похож на подонка отца. Да и как тут забудешь!? Маленькая копия Аркаши смотрела ежесдневно синими-синими глазами. Иной раз Захар ловил себя на том, что испытывает к приемному сыну неприязнь. Пока Мария крутила роман с мужчиной своей мечты, Захар ревновал, но терпеливо дожидался, однако видеть соперника изо дня в день оказалось выше его сил. Они никогда не говорили об этом, но Аркадий словно бы жил с ними бок о бок, изо дня в день.

– Я себя переоценил, – после очередной ссоры понял Захар, – почти невозможно полюбить чужого ребенка. Для МЕНЯ это оказалось невозможно.

Хотела было Бранислава переехать, чтобы поближе к Арсюше быть. Но дочь не позволила:

– Нет, мать, не нравится мне это. Тесно, шумно, душно. Ты лучше в гости иногда приезжай, а то сама знаешь, совместное проживание до добра не доведет. Да и Захару это не понравится.

– Да где же тесно? – удивилась Бранислава, – Вон у вас какие хоромы, места всем хватит.

– Все, мать, не начинай сначала! Не жить нам вместе и точка.

Подростий Аресений не раз уговаривал Маню отпустить его к бабушке, но кроме вспышек агрессии, ничего не доби-

вался:

– Вот будет тебе восемнадцать, катись ко всем чертям, щенок! А пока мне решать! Дома будешь жить, поганец, дома! Мамочке надо чтобы ты здесь был, рядом!

Арсений всегда провожал бабушку на вокзал, выезжали загодя, чтобы подольше побыть вдвоем. Облюбовали кафе недалеко от Белорусской, в нем жарили вкуснейшие чебуреки, ароматные, золотистые, сочные. Сидели, ели чебуреки, неспешно пили чай, разговаривали и вздыхали. А потом долго стояли на платформе, обнявшись, не в силах проститься. Однажды Бранислава не выдержала, решила и подговорила Арсения поехать с ней:

– Уедем, милоч, а там, глядишь, смирится мамка твоя.

Арсений радостно кивнул и заулыбался, расцвел, побежали перед глазами картины мирной жизни рядом с Браниславой. Мальчику так хотелось тепла, что он не раздумывая ни секунды, рванул бы куда угодно, лишь бы знать точно – он нужен, его любят и принимают.

Ничего не вышло, Машка не поленилась, кинулась в вдогонку, подобно ведьме из сказок. Водила Мария не плохо, но за руль садилась редко, поскольку пила. Захар же, предпочитал передвигаться на служебном автомобиле, оставляя свой в гараже. В тот день, Мария никак не могла завестись, машина будто сознательно не желала участвовать в погоне. Машенька злилась, чертыхалась, поносила «грудю железа» на чем свет стоит и своего добила. Летела она так, словно

черти за ней гнались, и настигла-таки беглецов в Полоцке, при пересадке.

– Что, матушка, дорогая моя, шибко умной себя считаешь? – брызжа слюной, орала Мария на весь вокзал, – отделиться от меня решили?! Не выйдет!

Бранислава бессильно расплакалась и прижала к себе темную голову внука.

– Не плачь, ба, она нас не оставит. Ты лучше приезжай почаще, – совсем по-взрослому сказал десятилетний Арсюша.

– Я перестала узнавать тебя, доча, – произнесла печально Бранислава, – ты сама не своя. Что делаешь? О чем думаешь? Куда катишься?

Маша не ответила, схватив Арсения за шкирку, она поволокла сына к машине. Отъехав несколько километров от города, Мария остановилась, не говоря ни слова, вытащила Арсения на дорогу, толкнула и принялась лупить его, что есть силы. Она била его руками и ногами, таскала за волосы и царапала лицо ногтями. Наконец, устала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.